



СЕРДЕЧНОЕ И ПАТЕТИЧЕСКОЕ

В ЗАГЛАВИИ пьесы — ее художественная интонация. «Живет на свете женщина» — назвал свое последнее произведение талантливый драматург и режиссер Захар Аграненко, подчеркивая бесхитростный характер повествования о женщине, в судьбе которой нет ничего исключительного.

Судьба героини — судьба поколения. Война — она на фронте. Неустроенность первых послевоенных дней и стремительный рост личности простой девушки с камвольного комбината, ее путь от рядовой работницы до начальника цеха. Этот рост личности — самое дорогое для драматурга, да и для нас, зрителей, ибо за ним — время, которое сделало возможным этот рост.

Атмосфера отдельных эпизодов спектакля — моментов жизни героев — воссоздана театром под руководством режиссера Б. Эрина с убедительной психологической сложностью и точностью.

...Вернулась в родной город демобилизованная Демидова,

доме», ее большая любовь к дочери.

Молодые уходят из дому. Двое на фоне холодного неба, на огромном пустом пространстве, вылетевшие из тепла родного дома. Это один из лучших режиссерских образов спектакля.

Таких удачных и в режиссерском решении, и в актерском исполнении сцен можно насчитать достаточно. Они возникают тогда, когда театр верит в пьесу, а пьеса дает достаточно оснований, чтобы прийти к художественной правде. Но режиссер не всегда верит пьесе.

В военных и послевоенных моментах жизни у героини были и большие радости, и большие трагедии. В. Капустина играет их так, как она умеет, — с безоглядной, заражающей радостью, со шемящим драматизмом. Но это была частная, хотя и интересная жизнь. В ней

Однако такой конфликт незначителен, скучен для той фигуры и судьбы, которую задумал драматург. Уже первые сцены, в которых мы узнали Демидову, снимают для нас это противоречие, и ничто не заставит нас сомневаться в ее невиновности.

В пьесе есть существенные мотивы, которые позволяют думать, что драматург не в этом видел зерно своего произведения: театр принял за конфликт то, что для писателя было лишь сюжетным ходом. Мне даже кажется, что относительная незначительность повода, легшего в основу главного конфликта, таит в себе некую преднамеренность, полемичность. Драматург как бы хочет сказать: да, обвинение незначительно, но поставьте себя на место Демидовой, вообразите, что у вас так же, как у нее, роковым образом сойдутся обстоятельства, когда к служебным неприятностям примешаются личные, когда создается атмосфера, в которой всяко только ставится в строку.

Живет на свете женщина... И женщина эта попала в беду. И так складываются обстоятельства, а складываются они по воле людей, действующих в своих корыстных целях, что небольшая беда грозит превратиться в большую. Говорит об этом писатель задумчиво и просто, сердечно и с тревогой. Однако там, где драматург видел житейски конкретную, простую ситуацию, в которой один человек убеждает другого, театр увидел патетический монолог.

Сухая, улыбочивая Сухобокова (арт. Е. Куприянова) ведет допросы. Среди других приходит к ней и старинная подруга Демидовой Косова (арт. М. Пастухова), партгор

цеха. Она пришла рассказать о жизни подруги, которую знает лучше других. Ее рассказ строится как патетический монолог, как торжественная речь, подержанная музыкой. Это слишком простое, театральное привычное решение резко расходится и с авторской интонацией, и с характером решения многих сцен спектакля.

Эта сцена — не частность. Есть целые образы, взятые как служебные функции, не входящие в общую сферу этого морального конфликта.

Демидова получила удар не только от следователя, которому и по должности положено быть не слишком доверчивым. Гораздо более ранит ее недоверие Жукова — старого друга, тихо влюбленного в нее. Как директор комбината он отстранил ее от должности, хотя мог этого и не делать. М. Майоров играет его человеком перетрусившим, излишне осторожным, обыкновенным, заурядным бюрократом, которому не пришлось тратить душевные силы, чтобы принять такое решение. Образ же его в пьесе значительнее. Как ни обаятельна игра А. Петрова в роли Ломова, его веселая философия светлого взгляда на мир, как ни темпераментен Б. Зубов в роли Виктора, с его непростой внутренней жизнью (эти актерские работы обязательно надо отметить как отличные), спектакль в целом не приобрел еще художественной законченности.

Мы говорили, что жизнь героини обычна; можно добавить, что и другие персонажи не исключительны. Все они легко узнаются в спектакле как характеры жизненные, наделенные точными приметками, подчас внутренне богатые, емкие. Если бы спектакль Центрального театра Советской Армии объяснял их взаимоотношения поэтически, если бы за обычным, бытовым раскрылось существенное, а за судьбами — время, он безусловно получил бы право на большой зрительский успех и право именоваться принципиальным событием в театральной жизни столицы.

Ю. РЫБАКОВ.



Демидова — В. Капустина, Ломов — А. Петров.
Фото А. ТРОШИНА.

вернулась со своим мужем Ломовым, израненным, больным человеком. После объятий и поцелуев, радостных возгласов и счастливых слез, застольной суматохи и первой рюмки перед молодой четой встает вопрос: как жить, что делать? Это не риторика, а очень реальная проблема: война еще не кончилась для этой рабочей семьи, она кончится вместе с трудностями и нехватками, а до этого надо дожить, отказывая себе во многом, работать не покладая рук.

Больше всех, конечно, тревожится за судьбу семьи старая мать, которую с удивительной достоверностью играет А. Богданова. Сцена после встречи — одна из самых сильных в спектакле. Холодными, тяжелыми словами подводит мать итог этой встрече: кого ты взяла в мужья, он же «дыривый», как жить будете? Искусство актрисы, емкость созданного образа таковы, что слова эти, страшные, бессердечные, не кажутся последними, после которых нет возврата, ибо за ними встают годы испытаний, трудностей, хозяйствования «без мужика в

были трагедии, но не было конфликта, а когда он возник, то оказалось, что для такой судьбы, для такого человека, который задуман автором и сыгран В. Капустиной, он незначителен и риторичен.

...Ровно шумят за сценой прядильные машины, работницы катят тележки с пряжей, кто-то, поглядывая в бумажки, спокойно идет по сцене, которая сейчас — часть прядильного цеха. Короткий женский вскрик за сценой ломает этот спокойный ритм (смена ритмов, их контрасты — сильное и верное оружие режиссера Б. Эрина). Произошло несчастье — машиной повредило работнице руку.

На комбинат является следователь Сухобокова, которой поручено выяснить, кто виноват в случившемся — сама работница или начальник цеха Демидова, не позаботившаяся об ограждении, нарушившая технику безопасности. Следователь примерно так формулирует свою задачу. Но это не только ее служебная функция — это еще и сюжет пьесы, а в понимании театра и главный конфликт.

